

На выходе из карантина: ночь интеллектуалов

Яна Г. Янпольская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iana.ianpolskaia@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена пандемии как эпизоду интеллектуальной истории и ситуации рефлексии на фоне «смерти интеллектуала». Автор предлагает поставить под вопрос сами условия возможности ответа философии на вызов того или иного актуального кризиса в принципе и пандемии коронавируса в частности. Этот вопрос тесно связан с феноменом интеллектуала, кризис которого был анонсирован французскими исследователями около сорока лет назад. Сегодня можно говорить о симуляции его роли и места в современных «реакциях», об объективной исторической невозможности возрождения этой фигуры и присущей ей формы высказывания. Проблема рассматривается на материале французской интеллектуальной истории и критики «медиаинтеллектуала». Исходным пунктом анализа становится политический кризис во Франции 2019 г., ложно ожививший забытую структуру «интеллектуалы и власть». Автор статьи обращает внимание на сходство интеллектуального «штиля» (рефлексивной инертности) 1941 и 2021 гг., предлагая вспомнить о тех формах рефлексии, которые были задействованы А. Мальро, Ж.-П. Сартром, Ж. Поланом, М. Мерло-Понти. «Реакции» отдельных французских интеллектуалов, обусловленные коронавирусным кризисом, – Э. Морена, Р. Дебре, Ж.-Л. Нанси, Б. Латюра – воспроизводятся в статье в свете интерпретации пандемии как «редуктивной ситуации» (М. Мамардашвили) с присущим ей морализаторством и неоманией (Р. Барт). Автору представляется проблемной апелляция к критике перед лицом «террора события» (М. Мерло-Понти). Интеллектуалы сами по себе представляют собой раритетный вымерший феномен, что важно учитывать в ожидании их «ответа» перед лицом угрозы пандемии.

Ключевые слова: интеллектуал, пандемия, редуктивные ситуации, неомания, Андре Мальро, Жан Полан, Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти, Жан-Люк Нанси, Режи Дебре, Эдгар Морен, Брюно Латур

Для цитирования: Янпольская Я.Г. На выходе из карантина: ночь интеллектуалов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 23–39. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-23-39

Emerging from quarantine. The night of the intellectuals

Yana G. Yanpol'skaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iana.ianpolskaia@gmail.com*

Abstract. The article deals with the pandemic as an episode of intellectual history and a situation of reflection against the background of the “death of an intellectual”. The author proposes to question the very conditions of the possibility for philosophy’s response to the challenge of this or that current crisis in principle and the coronavirus pandemic in particular. The question is closely related to the phenomenon of the Intellectual, the crisis of which was announced by French researchers about forty years ago. Today one can talk about the simulation of its role and place in modern “reactions”, about the objective historical impossibility of reviving this figure and its inherent form of expression. The issue is considered based on the material of French intellectual history and criticism of the “media intellectual”. The starting point of the analysis is the political crisis in France in 2019, which falsely revived the forgotten structure of “intellectuals and power”. The author of the article draws attention to the similarity of the intellectual “calm” (reflexive inertia) of 1941 and 2021, suggesting to recall those forms of reflection that were involved by A. Malraux, J.-P. Sartre, J. Paulhan, M. Merleau-Ponty. The “reactions” of certain French intellectuals caused by the coronavirus crisis – E. Moren, R. Debray, J.-L. Nancy, B. Latour – reproduced in the article in the light of the interpretation of the pandemic as a “reductive situation” (M. Mamardashvily) with its inherent moralizing and neo-mania (R. Barthes). The author finds it problematic to appeal to criticism in the face of the “terror of the event” (M. Merleau-Ponty). Intellectuals themselves are a rare extinct phenomenon, which is important to consider in anticipation of their “response” in the face of the threat of a pandemic.

Keywords: intellectual, pandemic, reductive situations, neomania, André Malraux, Jean Paulhan, Jean-Paul Sartre, Maurice Merleau-Ponty, Jean-Luc Nancy, Régis Debray, Edgar Morin, Bruno Latour

For citation: Yanpol'skaya, Ya.G. (2022), “Emerging from quarantine. The night of the intellectuals”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 23–39, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-23-39

20-е годы XXI столетия внезапно оказались карантинными. Наряду с повторяющимися карантинами, которыми сопровождаются волны распространения covid-19, тревожные двадцатые напомнили и о другом «quarantaine»¹: о сорокалетнем юбилее «смерти

¹ «Карантин» является калькой с фр. «quarantaine» – букв. *сорок* (дней или лет).

интеллектуала». Исчезновение этого уникального, как оказалось, социально-исторического явления особенно сильно переживается во Франции, по праву считающей себя родиной интеллектуала как такового – не в меньшей степени, нежели родиной рационализма или микробиологии. С начала 1980-х на фоне ухода из жизни ключевых фигур интеллектуальной жизни Франции (Ж.-П. Сартр, Р. Барт, М. Фуко) все чаще звучит тема «конца интеллектуалов». Уже к 2000 г. во Франции было опубликовано более восьмидесяти изданий о смерти интеллектуала². Рождение этой фигуры принято связывать со знаменитым делом Дрейфуса (1898), начало угасания – с концом «славного тридцатилетия» и кризисом гексагонального структурализма (1973), а окончательное оформление «могилы интеллектуала» обычно сопоставляют с появлением на сцене его призрачного подобия – так называемого медиаинтеллектуала – в начале 1980-х.

Трактовки этого «конца» многообразны: Р. Дебре, П. Нора, О. Монжен, В. Декомб, Э. Годд, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Досс, К. Сальмон – вот лишь самый краткий перечень авторов, отдавших дань тени исчезнувшего интеллектуала, его истории, различных воплощений и «конечных форм». Разночтения историографов интеллектуала относительно причин летального исхода ключевой фигуры гексагонального культурного ландшафта XX столетия отдельно любопытны. Франсуа Досс указывает на утрату «профетизма» – ключевой «функции» послевоенного французского интеллектуала [Dosse 2018]. Пьер Нора хоронит вместе с интеллектуалом французский деспотизм и с их смертью связывает надежду на рождение «дебата»: одноименный журнал он основал как раз в 1980³. Оливье Монжен замечает, что хроникеры и почитатели «интеллектуальной жизни» заметно активизировались в отсутствие самой фигуры интеллектуала. Если интеллектуал – нигде, то он везде, и в этом смысле можно говорить как о конце, так о пролиферации интеллектуальности по всем направлениям:

... («сегодня каждый – интеллектуал!») печатная пресса, аудиовизуальная сфера и вся четвертая власть прочно освоились в старой доброй критической позе, столь дорогой сердцу интеллектуала французской выделки [Mongin 2000, p. 8].

² Обзор этих изданий и дискуссий представлен в статье Эрика Конана, опубликованной в «L'Express» в ноябре 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/informations/la-fin-des-intellectuels-francais_640537.html (дата обращения 7 января 2022).

³ См.: Pierre Nora et Le débat: Trente ans de vie intellectuelle en France. Entretien avec Pierre Nora, de l'Académie française [Электронный ресурс].

Кристиан Сальмон диагностирует четыре признака, на основании которых можно утверждать, что после «авторизованного» интеллектуала, воплощением которого был Ж.-П. Сартр, и пришедшего ему на смену «интеллектуала-специалиста» типа М. Фуко, интеллектуал утратил свою специфику⁴. Новейшая формация последнего, так называемый медиатизированный интеллектуал, во-первых, не имеет собственного «поля компетенции», во-вторых, черпает свою легитимность главным образом в массовых медиа, в-третьих, легко и непринужденно переходит от «левой» аргументации к «правой» и обратно и, наконец, в-четвертых, известен прежде всего своей «личной жизнью», что делает его решительно неотличимым от спортсмена, актера, блогера. Российская исследовательница Дина Хапаева добавляет к картине упадка комплекс отставания и заимствования «эпохи переводов», пришедший на смену «гексагональной исключительности» французского сознания, и американский колониализм современной французской науки [Хапаева 2005, с. 11–18]. Все эти авторы так или иначе сходятся в одном: интеллектуал в собственном смысле слова (в отличие от донашивающего сегодня это имя племени «лидеров мнений») не считал нужным или необходимым «отвечать на повестку дня»; напротив, он сам создавал ее собственным словом и делом. В свою очередь «повестка» пыталась ответить ему, огорошенная.

Как и любой другой «конец», которыми был так богат гуманитарный ландшафт в канун и после «миллениума», кризис и смерть интеллектуала при видимой активизации «интеллектуальности» (интел-технологий, bigdata, увлекательной технонауки) периодически вызывает желание объявить об «окончании конца»: возрождении усопшего, возвращения интеллектуала на новом витке – перед лицом значимых «вызовов», рисков, глобальных катастроф. Политический кризис во Франции разразился гораздо раньше пандемии коронавируса: протесты «желтых жилетов», университетские беспорядки. 19 марта 2019 г. президент Эммануэль Макрон призвал французских интеллектуалов на большой Национальный

URL: <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/les-revues-litteraires/pierre-nora-et-le-debat-trente-ans-de-vie-intellectuelle-en-france> (дата обращения 7 января 2022).

⁴ См.: Les intellectuels sont-ils morts? par Christian Salmon, Pierre Rosanvallon et François Dosse // Over-blog [Электронный ресурс]. URL: <http://demain-lecole.over-blog.com/2019/03/les-intellectuels-sont-ils-morts-par-christian-salmon-pierre-rosanvallon-et-francois-dosse.html> (дата обращения 7 января 2022).

Дебат⁵. Призрак забытой структуры «интеллектуалы и власть» вызвал некоторое оживление среди участников этой встречи: сам факт, что президент обращается к академикам, эссеистам, историкам с просьбой «дать Франции образ будущего», был, по всей видимости, главной и единственной «новостью» состоявшегося собрания. Взаимное влечение закончилось разводом: уже в декабре коронавирусного 2020-го президент публично высказал в интервью еженедельнику «L'Express» пренебрежение мнением «пресловутых интеллектуалов, которые за десятилетия кризиса так и не смогли предложить Франции какой-либо выход»⁶.

Между тем интеллектуал, которого сегодня непрестанно упрекают в непроизводительности, оказался неспособен не только предложить образ будущего «городу и миру», но и найти выход из собственного кризиса. Сегодня невозможна ситуация 1949-го, к примеру, когда Сартр заявил: «...война умерла! А вместе с нею умерли те оправдания и утешения, которые она дарила слабым»⁷. Интеллектуалом не становятся «по вызову» – неважно, от кого или от чего исходит последний. Идет ли речь о вовлечении в *ситуацию* (ангажированность в понимании того же Сартра) или об изначальной вовлеченности в «процесс», которую П. Бурдьё противопоставляет мнимой академической «незаинтересованности», интеллектуал предлагает некое будущее *на собственных основаниях*, нередко исходя из собственных во многом экзотических соображений. В противном случае мы имеем дело с чем-то, что всего лишь напоминает фигуру «интеллектуала».

Поэтому, когда заходит речь о «философии эпохи пандемии» или же об «ответе на пандемию как вызов», неплохо было бы поставить под вопрос сами условия возможности подобного вызова и ответа. Они тесно связаны с легитимностью высказывания ученого, философа, исследователя, интеллектуала. Логично было бы предположить, что о причинах и последствиях очень быстрого и повсеместного распространения вируса, провоцирующего «потенциально опасное для жизни» заболевание, философствовать должен прежде всего вирусолог, микробиолог или специалист, имеющий доступ к медстатистике. Самые изящные философские конструкции

⁵ См.: Grand Débat des Idées avec des intellectuels (Partie 1) [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ats6tu-X2J8&ab_channel=%C3%89lys%C3%A9 (дата обращения 7 января 2022).

⁶ См.: Le malaise français, la trahison des élites... Macron, l'entretien confession [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/exclusif-le-malaise-francais-la-trahison-des-elites-macron-l-entretien-confession_2141252.html (дата обращения 7 января 2022).

⁷ Sartre J.-P. La fin de la guerre, Situations II. Gallimard, 1949. P. 164.

и историко-философские реконструкции, равно как и литературоведческие или культурологические экскурсы в образные системы массовых заболеваний, выглядят заведомо нелегитимными, избыточными или же циничными перед лицом всех тех, кто прямо сейчас сам переживает этот опыт. Логика и риторика, словесность и рефлексия, критика, аналитика, ирония и деконструкция – все они в равной мере неуместны перед конкретным случаем болезни, смерти и, уж тем более, перед могилой. Уместна только *кататония* рефлексии, независимо от того, что стало в данном случае причиной этой кататонии: смерть от последствий SARS, вызванного covid-19, или же от последствий вакцинации от них. Критика здесь невозможна, лишь описание, переживание и сопереживание. Только вот степень сопереживания отнюдь не пропорциональна «глобальности» явления. «...Стоит помнить, что с шокирующими деталями такого рода, – пишет Г. Дашевский об описаниях фашистских расстрелов в романе Дж. Литтелла «Благовоительницы», – можно описать не только Бабий Яр, но и автомобильную аварию» [Дашевский 2015, с. 13].

Что до «глобальных катастроф», они нигилистичны по определению. Они делают симулятивной всякую рефлексию, однако весьма активизируют коммуникацию, в которую в данном случае философии и предлагается вступить в форме «ответа на глобальный вызов». М.К. Мамардашвили описывал их как «редуктивные ситуации», исполненные моралистики, многословия, костылей «согласовывания», «совещания», «гарантирования» [Мамардашвили 2019, с. 167, 317].

Именно потому, что социальная ткань и ее воспроизводство на самом деле ничем вовсе не гарантированы, «редуктивные ситуации» перекрывают эту производственную паузу перепроизводством морализации. В отличие от тех, кто имеет дело со стагнацией и отмиранием *социальной* ткани, исследователи биологических процессов судят о происходящем вне добра и зла: наблюдения за сериями мутаций вируса или феномен «красивого рака», о котором упоминает Мамардашвили, в конечном счете опровергают гуманитарность любого сорта и демонстрируют объективную познавательную значимость редукции.

Наряду с многословием и моралистикой, родовым признаком редуктивных ситуаций, похоже, выступает *неомания*. Р. Барт вслед за П. Валери предлагал понимать под неоманией манию новизны, присущую с XVIII в. «нашей» цивилизации, в центре которой – романтическая мифологизация «оригинальности»⁸. Возможно,

⁸ См.: *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 304.

подобная мифологизация обостряется перед лицом «массовых форм». «Эпоха пандемии» многократно описана как «беспрецедентная», ставящая рефлексию перед *новым* вызовом, *новыми* антропологическими последствиями, требующими *нового* осмысления. Вынося за скобки относительно новый характер вируса covid-19 (биологический критерий новизны не может быть перенесен в сферу рефлексии хотя бы потому, что в известном смысле биолог на всех уровнях работает с новым, постоянно обновляющимся материалом, фиксируемым статистически), новизна рефлексивных ходов, мобилизованных для «ответа на вызов пандемии», неочевидна. Как выразился в свое время Ж.-Ф. Лиотар, событие – это то, что оставляет разум безоружным [Lyotard 1988, p. 36]. По степени вооруженности, с которой мысль откликнулась на «вызов пандемии», нередко просто связывая «новую угрозу» с теми сюжетами, которыми каждый занимался уже не один десяток лет и продолжил бы заниматься независимо от «новых» обстоятельств, можно судить о том, насколько это – *не событие*. Перед лицом «пандемии» философ находится в вынужденной, редукативной ситуации, и его ответы на пресловутый «вызов» нередко напоминают гимнастические экзерсисы типа тех, что описывал М. Пруст: Софокл пишет из Аида письмо Расину, чтобы утешить его в неуспехе «Гофолии»⁹. Игра в «письма с того света»: что бы сказал Маркс о covid-е? что думал бы о пандемии Альтюссер? что написал бы Жан-Поль Сартр о самоизоляции? С подобного «вызова», по мнению многих исследователей, и начинался в начале 1970-х закат интеллектуала: «перед микрофонами и камерами интеллектуал наспех должен был переформулировать свои университетские рефлексии» [Léon 2013, p. 10]. Такая спешность гибельна как для рефлексий, так и для «камер».

Интеллектуальная пауза 2021-го чем-то напоминает «штиль 1941-го», описанный Ж.-Ф. Лиотаром в его «гипобиографии» Андре Мальро:

В разгаре 1941-го – наихудшего – года, в центре циклона, фрегат Мальро со спущенными парусами переждал необъяснимый штиль. Один из главных романистов мира больше не напишет ни одного романа... Прощай, восстание народов? Они превратились в мобилизованные массы и выступили друг против друга. Тесные ряды насекомых – как скорпионы в Исфахане. Послушные неотличимым друг от друга вождам, что справа, что слева [Лиотар 2015, с. 219].

⁹ См.: Пруст М. Под сенью дев, увенчанных цветами / Пер. Е. Баевской. М.: Иностранка; Азбука, 2016. С. 489–493.

Исторически тот же самый штиль – покой бездействия (ибо все хуже – что ни сделай) переживает Сартров герой Рокантэн в 1938-м. В эти же годы невозможности¹⁰ Ж. Полан пишет о *терроре*: «Вот самое простое определение, какое можно было бы дать Террорристу: он – мизолог» [Полан 2000, с. 77]. Это террор письма, но и террор события, о котором будет размышлять М. Мерло-Понти в 1948-м: «...История – террор, поскольку есть случайность»¹¹. Террористичность «пандемии» очевидна: она побуждает симулировать пресловутую новизну и значимость «ситуации», не оставляя шанса игнорировать ее или ставить под вопрос; она вводит мысль в ступор как мизологическая данность – «держатъ речь» невозможно перед лицом подобной добровольно-принудительной мобилизации. Впрочем, рефлексия *происходящего* всегда пробиралась наощупь через террор истории вопреки мизологией и кататонии. Но в нынешней *ночи интеллектуалов*, наступившей после того, как погасли последние звезды, оказались почти неразличимы очертания отдельных «рефлексий», которые теперь все чаще называются «реакциями».

О четырех из них мне бы хотелось рассказать подробнее. Французский интеллектуал умер, однако еще живы некоторые из французских интеллектуалов, кто застал его расцвет в 1945-м и пережил его конец в 1980-м. Вопреки смерти интеллектуала как такового еще не успели умереть те, кто создал золотой век интеллектуальной истории Франции.

Голосом утешительной мудрости в современной Франции стал Эдгар Морен (1921 г. р.), встретивший на фоне пандемии свой столетний юбилей. Он – один из самых молодых участников Сопротивления и автор поворотной для многих его современников книги «Нулевой год Германии»¹², ставшей единственным изданием в издательстве не менее легендарной Маргерит Дюрас. Сегодня, на сто первом году жизни, Морен не сходит с экранов и страниц сетевых изданий. Он почти генетически связан с А. Мальро: интеллектуалу-коронелю¹³ Мальро, а также чистой случайности

¹⁰ См.: Год оригинального издания книги Ж. Полана: *Paulhan J. Les Fleurs de Tarbes ou La Terreur dans les Lettres*. Édition de Jean-Claude Zylberstein, 1941.

¹¹ *Merleau-Ponty M. Humanisme et terreur. Essai sur le problème communiste*. Paris: Gallimard, 1948. P. 98.

¹² См.: *Morin E. L'An zéro de l'Allemagne*. P.: Éditions de la Cité Universelle, 1946.

¹³ «Coronel» (исп. – полковник, colonel) – так называли Андре Мальро испанские повстанцы, сражавшиеся вместе с ним в рядах антифранкистской коалиции.

он обязан тем партизанским именем – Морен¹⁴, под которым прошел войну, а позже продолжил мирную подрывную деятельность как участник всех значимых интеллектуальных предприятий века («Les Temps modernes», «Социализм или варварство», «Медиология» и т. д.) В многотомном «Метод» Морен соединил паскалианский дух с картезианским, наращивая тело своего *opus magnum* подобно клеткам организма – в каждой отражая целое. Метод может прерваться на полуслове, так как уже в первой странице все сказано, и вместе с тем не может кончиться по той же, в общем-то, причине – целое может быть местом познания, только пока не случилось как целое¹⁵. Карантин «двадцатых» для Морена – повод напомнить¹⁶ о таких простых и, казалось бы, давно учтенных обстоятельствах, как «эпистемологический разрыв» Г. Башляра или же «принцип фальсифицируемости» К. Поппера. «Сложность»¹⁷, на стороне которой строит собственные интуиции Морен, снова становится сложно приемлемой мудростью паскалианского типа. «Жить с неуверенностью сообща» – этот мореновский рецепт звучит не ново, и секрет его доходчивости, видимо, в том, что он провозглашается «последним выжившим» и обращен к тем, кто примеряет к себе статус выживающих. «В конечном счете неуверенность, проникшая в нас с этим самым вирусом, – пишет Морен, – была, есть и будет неотъемлемой частью “удела человеческого”»¹⁸. «Благая весть» Морена не лишена хайдеггеровского флера: это своего рода проповедь о незаслуженном Забвении Неопределенности, ставшем причиной нынешнего – прежде всего эпистемического – краха. Тем самым он невольно окорачивает чрезмерно риторичного, по

¹⁴ Вступая в партизанский отряд, Эдгар Наум (настоящая фамилия Морена) задумал взять себе в качестве псевдонима фамилию Монэн (Morin), принадлежащую персонажу романа А. Мальро «Завоеватели». Однако при перекличке его по ошибке окликнули *Мореном* (Morin), и эта ослышка стала судьбоносной.

¹⁵ *Morin Э.* Метод. Природа Природы / Пер. и вступ. ст. Е.Н. Князевой. 2-е изд., доп. М.: Канон+, 2013. С. 30.

¹⁶ *Morin E.* Nous devons vivre avec l'incertitude // CNRS. 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lejournal.cnrs.fr/articles/edgar-morin-nous-devons-vivre-avec-lincertitude> (дата обращения 7 января 2022).

¹⁷ См.: *Morin Э.* О сложности. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2019. 284 с.

¹⁸ «Удел человеческий» – название романа А. Мальро и одно из центральных понятий Г. Марселя. *Morin E.* Nous devons vivre avec l'incertitude. “CNRS” 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lejournal.cnrs.fr/articles/edgar-morin-nous-devons-vivre-avec-lincertitude> (дата обращения 7 января 2022).

мнению многих французов, президента, который вступил в эпоху пандемии с официальным заявлением: «Мы – на войне!»¹⁹ Эдгар Морен, не понаслышке знающий, что значит «быть на войне», с Эммануэлем Макроном согласился: да, мы на войне, пожалуй, но кто враг – нам не известно²⁰.

Другой голос в ночи, Режи Дебре, звучит гораздо менее умиротворяюще. Размышления Дебре о текущих обстоятельствах издаются «Gallimard», – в то время как «Marianne» публикует их в разделе «Медиологи»: само это понятие уже более двадцати лет ассоциируется во Франции с его именем и его сообществом. Книга Р. Дебре «Introduction à la médiologie» («Введение в медиологию»)²¹ вышла в русском переводе [Дебре 2010] на десять лет позже оригинала и, похоже, прошла незамеченной. Между тем «медиология», вводящая интеллектуала с пути медиатизации, была описана Дебре еще в 1990-е. «Медиология» – вовсе не изучение медиа как коммуникации. Медиологический анализ – в противовес коммуникативному – развешествляет, возвращая «вещи» в медиацию, в процесс, в событие. За якобы вездесущим миром массмедиа с его медиантеллектуалами обнаруживается нечто более протяженное – причем во времени, а не в пространстве – *медиа* как таковое. Первое Дебре именуется «архипелагом Коммуникации», второе – «континентом Передачи» [Дебре 2010, с. 21]. Передача (медиология) действует во времени, в то время как Коммуникация (идеология) – в пространстве, причем быстрее и проворнее первой. В ситуации, когда «луженая глотка коммуникации» уверенно сшивает разнесенные в пространстве миры легко принимаемыми «идеями», медиолог задается диахроническим и «вертикальным», как сказал бы Валери, вопросом о том, что является носителем этих идей, кто/что и позволяет им *передаваться*. На сайте “Mediologie”, наследующем одноименному журналу, эта оптика уточнена следующим образом:

Всякий раз, когда мы обнаруживаем нечто, что «заставляет нас поверить» (*faire-croire*), «дает понять» (*faire-savoir*) или «подталкивает

¹⁹ См.: Emmanuel Macron: “Nous sommes en guerre” contre le coronavirus – covid-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5wYyJckGrdc&ab_channel=FRANCE24 (дата обращения 7 января 2022).

²⁰ См.: Coronavirus: chronique d'une polycrise. De L'intérieur – Edgar Morin [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lp-T26hnttV8&ab_channel=LeProjetImagine (дата обращения 7 января 2022).

²¹ См.: *Debray R.* Introduction à la médiologie. PUF, Collection Premier Cycle, 2000; *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

к действию» (*faire-marcher*)... медиология прежде всего обращает внимание на это «делать так, чтобы» (*“faire”*)²².

Участником медиологии был и остается Эдгар Морен.

Дебре, как и Морен, «перед угрозой пандемии» не меняет ни оптики, ни словаря. Статья в «*Marianne*» от 13 апреля 2020 – о том же «*faire*», выступающем частью устойчивых выражений – так и озаглавлена: «Слово и дело» («*Le dire et le faire*»)²³. Дебре уверен, что коммуникативный вирус, позволяющий слову и мнению пролиферировать во всех направлениях в условиях отсутствия решимости того, кто должен действовать, – весьма характерный и небезобидный признак такого рода «кризисных» моментов. Дебре указывает на провал, внезапно обнаружившийся между «сделать» и «сказать», предполагая, что

...уже завтра историкам придется констатировать полное размывание публичного политического высказывания за последние полвека: оно свелось к пустопорожним официальным выступлениям. Чем меньше они могут, тем больше рассуждают²⁴.

Искомая решимость действия (*le faire*) свелась к решению «предусмотреть, чтобы» (*faire en sorte que*):

...сказать сегодня вовсе не значит сделать, и слово никак не связано с действием, нам как бы сообщают о том, что нечто будет сделано чуть позже и непонятно кем именно и когда. Это скорее некое благое пожелание²⁵.

Собственно, если мы все «на войне», подхватывает президентское сравнение Дебре, то почему бы не найти главнокомандующего – того, кто сможет кратким словом-делом прервать короно-кризис, подобно другим аналогичным. За этим голлистско-тетчеристским пафосом Дебре, известного идеолога геваризма, отчетливо различим штиль, пауза перед лицом мизологичности террора: то, что не удастся прервать действующим словом, нет смысла продолжать повсюду обсуждать.

На фоне и «под прикрытием» пандемии ушел из жизни «последний французский философ», Жан-Люк Нанси. Странное чувство:

²² См.: сайт «Медиология» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediologie.org/mediologie-1> (дата обращения 1 июня 2022).

²³ *Debray R. Le dire et le faire/ Marianne, 13.04.2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marianne.net/agora/les-mediologues/le-dire-et-le-faire-par-regis-debray> (дата обращения: 07 января 2022). Здесь и далее перевод мой. – Я. Я.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

«продленная» жизнь Нанси словно давно уже переживалась как то, что вот-вот оборвется. Роль «последнего классика», продолжавшего жить «после всех» – Деррида, Лиотара, Бланшо – сделала его уход в августе 2021 г. чем-то неслучившимся в лучшем смысле слова. Нанси больше нет, но его завершившееся отступление оказалось как будто бы завуалированным обстоятельством. 24 марта 2020 г. вышла статья Нанси в “*Libération*” с вполне «ожиданным» названием: «Коммуновирус»²⁶ [Nancy 2020]. Нанси сообщает, что обязан каламбуром своему другу из Индии, чье имя он, однако, не упоминает. Впрочем, выражения типа «*covidité desœuvrée*», цинично обыгрывающие название великой книги Нанси «*La Communauté désœuvrée*»²⁷ в ситуации, когда сообщество стало синонимом контактичности, а дистанция – «социальной», носилось, что называется, в воздухе. Статья Нанси сама по себе выглядит как напоминание о протяженной дискуссии 1980-х о сообществе, ключевую роль в которой сыграли его работы, в связи с новыми печальными обстоятельствами. Мысль Нанси проста и утешительна: история коронавируса – печальный опыт, но! – это все-таки опыт сообщества, его проба на прочность. Самоизоляция как опыт «неставшего» и «непроизводимого» сообщества, опыт некоей интимной *communauté*, основанный на уникальности каждого способа существования, это, как пишет Нанси, своего рода новый этап вызревания (Марксова?) индивидуализированного коммунизма²⁸. Не менее «утешительной» оказывается и последняя книга Нанси «Слишком человеческий вирус», увидевшая свет в октябре 2020 г.²⁹ Ей предшествовали онлайн-чтения глав книги: Нанси в режиме видеотрансляции читал готовящийся текст аудитории канала “*Philosopheur au présent*”³⁰. После Второй мировой Европа непрерывно эманировала в ее колонии, – пишет и говорит Нанси. Теперь приходит время «получить обратно» бумерангом и интегрировать не только беженцев, мигрантов с их культурами, но вот и... вирусы. Именно в силу *открытости* как самой важной из европейских добродетелей, вирус в ней сеет смуту большую, нежели там, где он возник. Впрочем, и *просто победить вирус* здесь будет недостаточно. Всякое «слишком человеческое», которое в мысли Нанси идет скорее от Паскаля, чем

²⁶ Nancy J.-L. *Un trop humain virus*. Paris: Bayard Editions, 2020. 100 p.

²⁷ См.: Nancy J.-L. *La Communauté désœuvrée*. Paris: Christian Bourgois, 1986.

²⁸ См.: Nancy J.-L. *Un trop humain virus...*

²⁹ Ibid.

³⁰ См.: *Philosopheur en temps*, intervention № 75 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=cthb0n7CtQY> (дата обращения 7 января 2022).

от Ницше, – предпосылка для последующих эпидемий, чем бы они ни обернулись. Человек – всегда большее, чем человек, – вторит Нанси Паскалю. И все же: когда он становится бóльшим чрезмерно, не став притом богом, он больше уже не способен себя превзойти, оставаясь наедине со «слишком уж человеческим». Издательство “Bayard Editions” отрекомендовало книгу Нанси как мощную спасительную рефлексию от самого великого философа Франции³¹. Верно, однако, и то, что «спасительность» и «утешительность» здесь превалируют. Это терапия, но не критика.

В марте 2021 г. вышла в свет книга Брюно Латура «Где это я? Инструкция по самоизоляции для землян» [Latour 2021]. Ее можно представить как био-антропо-поэтический памфлет с элементами пародии на экологизм как стиль мышления. О словутой пандемии и «коронавирусе» он здесь почти не пишет, хотя ему как автору книги о революции Пастера³², казалось бы, «сам бог велел» мобилизовать на потребу дня прежние достижения. Латур как ни в чем не бывало продолжает серию книг, предыдущая из которых, «Где приземлиться?», уже знакома российскому читателю [Латур 2019]. «Где это я?..» – не размышление о ковиде-пандемии-изоляции, это письмо болезнью, изоляцией и избавлением. Лирический герой книги Латура находится в процессе, в превращении. Точнее, он внезапно обнаруживает себя («Где я?») персонажем другой книги:

Просьпаясь, я обнаруживаю, что мучим тем же, чем и герой повести Кафки «Превращение». Пока он спал, он превратился в таракана. Вот он сначала чувствует, что, кажется, не сможет больше встать, чтобы идти работать; прячется под кровать; слышит оттуда, как стучат в закрытую им на ключ дверь его сестра, родители, начальник. Подняться он уже не может; спина буквально одеревенела; повсюду движутся конечности и усики, со всем этим теперь ведь нужно как-то разобраться; он постепенно замечает, что вот уже никто больше не понимает, что он говорит; да и размером его тело изменилось; он стал «ужасным насекомым». Вот и со мной случилось то же самое [Latour 2021, p. 13]. (Перевод мой. – Я. Я.)

До «превращения», вспоминает Замза-Латур, «до этого момента», мы могли двигаться так, как хотим – идти по улице, лететь на

³¹ См.: Издательский анонс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayard-editions.com/religions-et-sciences-humaines/sciences-humaines/societe/un-trop-humain-virus> (дата обращения 7 января 2022).

³² См.: Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / [Пер. с фр. А.В. Дьякова]. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

самолете. Теперь уже не полетишь, действия ограничены, работа ограничена компьютером. Новоявленному инсекту постоянно напоминают, что он выделяет микрокапельки, теоретически способные свести в могилу каждого, кто с ним соседствует. Впрочем, мутацию претерпевает в тексте Латура не только Грегор Замза, герой Кафки, но и само значение понятия «кафкианский» с закрепившейся за ним мрачной репутацией. Перефразируя Камю («Миф о Сизифе»), Латур нам предлагает «представлять себе Грегора Замзу счастливым»: Грегор должен чувствовать себя гораздо менее одиноким с тех пор, как он обзавелся телом насекомого [Latour 2021, p. 15]. А поскольку «насекомое» – устойчивая метафора «человеческого», то «Превращение» оказывается повестью о воплощении-рождении в человеческий мир, снаружи которого остаются звери-ангелы-демоны-боги-машины-вирусы: отец, сестра, семья, начальник. Онтологическое следствие карантина, запертости, переворачивания, ограничения передвижения Латур маркирует «делезианским» термином *devenir*, обозначая его как «*Devenir-térmite*» («становление-термитом»), и усматривает в нем весьма «оптимистичную» перспективу. Масса новоприобретенных органов-приспособлений, собственно, и позволяют стать впервые человеческим существом. Между тем как «семья», стучащая в дверь комнаты «ужасного инсекта», отождествляется Латуром с «*inhumain*», нечеловеческим: климатический кризис и пандемия сделали их монстрами. Кафкианский сюжет по Латуру сегодня читается наоборот. Грегор Замза – в выигрыше, он может научить нас выжить в изоляции, выйти из изоляции. Учиться жить самодостаточно, подобно капитану Немо, «не всплывая на поверхность», Латур предлагает также и у термитов – не у всяких, а у гриборазводящих (*Termitomyces*) [Latour 2021, p. 14]. Инсектаризация жизни учит иначе смотреть вдаль и «в стену», соотносить территорию, Глобальное и Земное, минуя поднадоевшие версусы, из которых выстроены тупики экологизма. Подобно *zad*-истам, заявляющим «мы не защищаем природу, мы и есть природа, которая защищается» [Латур 2019, с. 113], Латур – не тот, кто пишет о «коронавирусе», но сам носитель вируса, сделавший этот опыт письмом³³. Ониризм поэтики здесь соответствует режиму «пандемии»: «Где ж это я? – вопрос. Ответ – где-то там, в ином обществе и в ином времени. Как же мне там быть? Да как всегда:

³³ В одной из видеобесед Латур рассказывает, что в период «первой изоляции» он писал, заболевая, еще не зная, чем, собственно, болен. См.: Latour B. I imaginar el mundodespués de Covid-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TOP7HRP15gM&ab_channel=C%3%A1tedraAlfonsoReyes (дата обращения 7 января 2022).

наощупь...» [Latour 2021, p. 14]. Собственно, «танцевать» приходится не от «эпохи пандемии», но всегда от себя, и превращение в инсекта, вторит Кафке Латур, это хороший пунктум для соотносения с собой: нужно поставить точку в прежней жизни, так сказать.

На выходе из карантина после ночи превращения герой Латура – некогда интеллигент, теперь инсект – мыслит гораздо более ясно и авторизованно. Парадоксальным образом в нем можно усмотреть и новый образ интеллектуала. Будет ли это некий интеллектуал эпохи пандемии, или же пандемия продолжится на фоне повального вымирания интеллектуалов? Вопрос остается.

Заключение

Мы попытались описать не столько рефлексивные ходы эпохи пандемии, сколько рефлексии интеллектуализации этого опыта, продолжающиеся спустя сорок лет после начала повального кризиса и смерти интеллектуала. Почему в «массовой ситуации» остается потребность в авторизованном понимании, пусть даже повторяющем в очередной раз то, что уже много раз было озвучено, как это мы могли увидеть на примере публичных текстов Э. Морена, Р. Дебре, Ж.-Л. Нанси? Можем ли мы говорить о новом типе интеллектуальной литературы на примере серии манифестов Б. Латура? Предпринятый обзор «реакций интеллектуалов» несколько уточняет изначальное сомнение в самой возможности такого рода реагирования: пандемия стала сценой для повторения, популяризации, гиперсимуляции прежних идей. Подобный редуктивный опыт чтения указывает на границы и условия высказывания более определенно: не умея предложить «выхода из кризиса», интеллектуал и после своей символической смерти воспроизводит себя. В том числе и в отказе от реагирования, в переживании «штиля».

Источники

- Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
Пруст М. Под сенью дев, увенчанных цветами / Пер. Е. Баевской. М.: Иностранка; Азбука, 2016. 576 с.
Merleau-Ponty M. Humanisme et terreur. Essai sur le problème communiste. Paris: Gallimard, 1948. 212 p.
Sartre J.-P. La fin de la guerre, Situations III. Paris: Gallimard, 1949. 230 p.

Литература

- Дашевский 2015 – *Дашевский Г.* «Благоволительницы» Джонатана Литтелла // Дашевский Г. Избр. статьи. М.: Новое издательство, 2015. С. 12–16.
- Дебре 2010 – *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 386 с.
- Латур 2019 – *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова; Науч. ред. О. Бычкова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 202 с.
- Лиотар 2015 – *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 479 с.
- Мамардашвили 2019 – *Мамардашвили М.К.* Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, 2019. 352 с.
- Полан 2000 – *Полан Ж.* Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2000. 336 с.
- Хапаева 2005 – *Хапаева Д.Р.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 162 с.
- Dosse 2018 – *Dosse F.* La saga des intellectuels français. T. I. Paris: Gallimard, 2018. 462 p.
- Latour 2021 – *Latour B.* Où suis-je? Leçons du confinement à l'usage des terrestres. Paris: Éditions La Découverte, 2021. 131 p.
- Léon 2013 – *Léon J.* Historiographie du structuralisme généralisé. Etude comparative // Les structuralismes linguistiques : problèmes d'historiographie comparée. 2013. № 3. P. 1–23.
- Lyotard 1988 – *Lyotard J.-F.* L'inhumain: causeries sur le temps. Paris: Galilée, 1988. 219 p.
- Mongin 2000 – *Mongin O.* “Fin de partie?” // Esprit. 2000. Mars-avril. No. 262 (3/4). P. 7–11.

References

- Dashevskii, G. (2015), «The Benefactresses» by Jonathan Littell, *Dashevskii G. Izbr. stat'i*, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 12–16.
- Debray, R. (2010), *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology], Skuratov, B.M. (transl.), Praksis, Moscow, Russia.
- Dosse, F. (2018), *La saga des intellectuels français* [The saga of French intellectuals], vol. I, Gallimard, Paris, France.
- Khapaeva, D.R. (2005), *Gertsogi respubliki v epokhu perevodov: Gumanitarnye nauki i revolyutsiya ponyatii* [Dukes of the Republic in the Age of Translation. Humanities and the concept revolution], Novoe lit. obozrenie, Moscow, Russia.
- Latour, B. (2019), *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoi orientatsii* [Where to land? Experience of political orientation], Shestakov, A. (transl.), Bychkova, O. (ed.), Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Latour, B. (2021), *Où suis-je? Leçons du confinement à l'usage des terrestres*, Éditions La Découverte, Paris, France.

- Léon, J. (2013), “Historiographie du structuralisme généralisé. Etude comparative”, *Les structuralismes linguistiques : problèmes d'historiographie comparée*, no 3, pp. 1–23.
- Mongin, O. (2000), “Fin de partie?”, *Espirit*, Mars-avril, no. 262 (3/4), pp. 7–11.
- Lyotard, J.-F. (2015), *Za podpis'yu Mal'ro* [Signed by Malraux], Shestakov, A. (transl.), Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.
- Lyotard, J.-F. (1988), *L'inhumain: causeries sur le temps*, Galilée, Paris, France.
- Mamardashvili, M.K. (2019), *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Essay of Physical Metaphysics)], Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Paulhan, J. (2000), *Tarbskie tsvety ili Terror v izyashchmoi slovesnosti* [Tarbes Flowers or Terror in Fine Language], Shestakov, A. (transl.), Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Яна Г. Янпольская, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iana.ianpolskaia@gmail.com

Information about the author

Yana G. Yanpol'skaya, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; iana.ianpolskaia@gmail.com